

А. Е. Козлов

Новосибирск, Россия

**СЮЖЕТ О МЁРТВОМ ТЕЛЕ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА
СТАТЬЯ 1**

Статья посвящена рассмотрению сюжета о мёртвом теле, его устойчивых повторяемых вариантов в общем контексте танатологии русской литературы XIX в. Этот сюжет отражает поздние «ритуальные формы» антропологической деятельности, возникающие на пересечении литературы и фольклора, с одной стороны, и юриспруденции и криминологии, с другой. В частности, парадигму изучаемого сюжета определяет «Сказка о мёртвом теле, невесть кому принадлежащем» В. Ф. Одоевского, где нашли отражение разные равноневероятные исходы сюжета. Множественность исходной ситуации определила ее повторение в литературном процессе и закрепление в сильной позиции произведения номинации «Мёртвое тело» (В. И. Даль, И. А. Салов, В. А. Слепцов, А. П. Чехов и др.). Формируется три устойчивых, многократно тиражируемых и повторяемых варианта: 1) расследование; 2) история покойного; 3) сюжет о «ложном мёртвом теле». Особый интерес в этом ракурсе представляют сюжеты, возникающие в контексте пародии и травести (включая травестию значимых сакральных символов). Проведенное исследование демонстрирует некоторые устойчивые закономерности, позволяя описать данный сегмент в контексте соотношения инварианта и вариантов.

Ключевые слова: сюжет о мёртвом теле, мортальный код, танатос, русская литература XIX века, вторичность и альтернативность.

Семантика смерти и смертельного в мировой культуре многообразна, и это многообразие делает затруднительным поиск инварианта, к которому могли бы восходить так называемые танатологические сюжеты и мотивы. Очевидно, что описание сюжета через семантический примитив или дуальную оппозицию *жизнь / смерть* (или через тернарную оппозицию *жизнь / не-жизнь / смерть*) в большинстве случаев приводит к излишней схематизации, не позволяя определить подлинное многообразие изучаемого сюжета. При этом следует учитывать, что, сохраняя коннотации, связанные с ритуальным и синкретическим мышлением,

Козлов Алексей Евгеньевич – доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ИФМИП НГПУ (ул. Виллойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, alexey-kozlof@rambler.ru)

танатологический сюжет может трансформироваться в своем денотате, актуализируя практически весь спектр культурных и социальных контекстов.

Исключение в данном ряду представляет сюжет о мёртвом теле, варианты которого отчетливо просматриваются в историко-литературной перспективе. Специфика данного сюжета, по замечанию С. Ф. Дмитренко, заключается в обусловленности действующим в Российской империи уголовным законодательством¹ [2]. Как показал исследователь, неделимое словосочетание «мёртвое тело» при явной информационной избыточности представляет соединение библейской метафоры и юридического термина. Этим соединением объясняется амбивалентность большинства рассмотренных далее сюжетных схем.

Мёртвое тело в сюжете обнаруживает те же свойства, что и реалья: оно буквально подвержено гниению и разложению. Это обстоятельство нередко порождает комический эффект, фактически актуализируя ряд анекдотов из жизни приказных и уездных лекарей. «На студенческой скамье каждый из нас мало занимался судебной медициной, рассчитывая, быть может, на деятельность, чуждую этой специальности; но жизнь иногда бросает человека в совершенно неожиданные условия, случайно призывает к “мёртвому телу”, и тогда обнаруживается дефект в познаниях врача, а рядом с этим явится, быть может, и желание заполнить дефект» [3, с. 4], – такими словами открывается одно из научно-популярных пособий конца XIX в. В другом сборнике, содержащем «полезные советы», первый вопрос, который предлагалось решить врачу: «Действительно ли данное тело есть мёртвое?»² [4, с. 7].

Кажется естественным, что пика популярности данный сюжет достигает в 1860-е гг. Позитивистский взгляд на материю вкупе со стремительным ростом популярности естественных наук делает вскрытие мёртвого тела явлением времени. В балладе «Поток-богатырь» А. К. Толстой, иронизируя над «чрезмерностью» исходного жанра³, описывает одну из типичных картин современности:

---

¹ Например, в своде законов Российской империи «Отделение третье. О нарушении правил для погребения мертвеца» гласит:

«1081. Кто, исключая случаев, законом определенных, похоронит мёртвого прежде истечения определенного для сего времени (трех суток по удостоверении в смерти его), тот за сие подвергается... (далее – мера наказания. – А. К.).

1082. Кто похоронит мёртвого прежде судебно-медицинского осмотра тела в таких обстоятельствах, когда законом сие не дозволено, подвергается... (далее – мера наказания. – А. К.)» [1]. С. Ф. Дмитренко ссылается на документ об «Обязанностях земской полиции по предмету осмотра найденных мёртвых тел и производства следствий об оных»: «Когда найдено будет в поле, в лесу или же ином месте, мёртвое тело, то сотский, осмотрев и заметив имеющиеся на оном знаки, доносит о том немедленно Становому Приставу; к телу же приставляет стражу из поселян, под надзором десятских, и велит его хранить в удобном и безопасном месте до приказания. Между тем он старается узнать, кто был умерший, и не подозревается ли кто в убийстве его, и о сем, по прибытии Станового Пристава, также ему доносит. В случае скоропостижной, или почему-либо иному возбуждено подозрение смерти, десятские доносят об оной сотскому, а сей последний Становому Приставу, оставляя тело под надежным осмотром» [2, с. 7].

² Правда, далее мы встречаем ряд метафизических описаний, совершенно противоречащих духу позитивизма: «Биша в свое время для наглядного понятия о жизни и смерти советовал представлять себе жизнь в виде Пифии, сидящей на треножнике, одна нога которого будет голова, другая – лёгкие, а третья – сердце» [4, с. 14].

³ Кажется уместным вспомнить полемику архаистов и новаторов о балладе. Знаменательны слова А. С. Грибоедова, подошедшего к анализу сюжета «Людмила» В. А. Жуковского с рационалистических позиций: «Наконец, когда они всего уже наслушались, мнимый жених Людмилы признается ей, что дом его гроб и путь к нему далёк. Я бы, например, после этого ни минуты с ним не остался, но не все видят вещи одинаково. Людмила обхва-

В третий входит он дом, и объял его страх:
Видит в длинной палате вонючей,
Все острижены вокруг, в сюртуках и в очках,
Собралися красавицы кучей.
Про какие-то женские споря права,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое *общее дело*:
Потрошат чье-то мёртвое тело ⁴ [6, с. 258].

В этом контексте «мёртвое тело» – опознаваемый индекс позитивистских исканий; своеобразная лягушка Базарова, возведенная в 10-ю степень телесности ⁵. Показательно, что «тело» образует здесь точную рифму со словом «дело», что приводит эти явления к общему знаменателю. Вскрытие мёртвого тела напоминает исполнение древнего обряда: в данном контексте это связано с утверждением естественных прав и решением женского вопроса.

Таким образом, наряду с народно-смеховой традицией, актуализирующей так называемый «черный юмор», большую роль в оформлении рассматриваемых сюжетных схем сыграли юридические противоречия и нормы (не только в уголовном, но и в административном праве), доведенные до абсурда, а также различные варианты критики позитивизма в России.

Инвариант данного сюжета определяется в конце 1830-х гг. произведениями В. Ф. Одоевского, в частности его «Сказкой о мёртвом теле, невесть кому принадлежащем» (1838). Вариации Одоевского на заданную тему фактически определили парадигму данного сюжета, представляющую несколько частотных вариантов. Можно говорить о таких конституирующих чертах, как: 1) анонимность мёртвого тела / невыясненность смерти; 2) детективность / криминальность события; 3) преступление / нарушение существующего ритуала. Иными словами, практически всегда сюжет о мёртвом теле предстает как частная реализация ситуации расследования, неотъемлемой составляющей которого является «идентификация личности». Третье свойство неразрывно связано с бюрократическими проволочками, поэтому оно является значимой частью рассматриваемой ситуации.

Сюжет сказки Одоевского построен на сопоставлении канцелярского факта – прошения, написанного приказным Иваном Севастьяновичем, и невероятного происшествия, случившегося близ города Реженска. Обращаясь к анализу лексической организации сказки, можно констатировать, что большая ее часть написана с пародийным использованием канцелярского стиля: это касается не только просьбы Цвеерлей-Джон-Луи, ставшего на бумаге недорослем Савелием Жалуевым, но и описания книги приказного. Иван Севастьянович, как своеобразный владелец и толкователь Сивилиной книги, фактически живет по негласно утвержденному «кодексу, которым руководствовался Реженский земский суд в своих действиях» [8, с. 52]. Немыслимость ситуации – визит мертвеца и его обращение

тила мертвеца нежною рукой и помчалась с ним» (Сын отечества, 1816. Ч. 31. № XXVII. С. 8 (цит. по: [5]).

⁴ «Песня...» была опубликована в «Русском вестнике» среди антинигилистических романов – «На ножах» Н. С. Лескова и «Бесы» Ф. М. Достоевского.

⁵ Знаменательно, что в антинигилистической фельетонной литературе именно лягушка, а не тело, вскрываемое героем в конце романа, становится индексом Базарова: «Кто выдумал, что мы ничего не делаем и ни на что не опираемся? А лягушка, а скальпель, а микроскоп, на которые мы указали как на могущественные орудия общественного развития! Все-го этого, положим, мы не держали в руках, но это однако же не помешало нам дойти до самых реальных, почти анатомических взглядов» [7, с. 336].

к представителям власти – становится органической частью происходящего в реженском делопроизводстве абсурда.

Диалог между нетрезвым приказным и погибшим парадоксален, поскольку мёртвое тело представлено как субъект, наделенный волей и способностью суждения:

– Что же покойник-то, крепостной, что ли, ваш был?..

– Нет, Иван Севастьяныч, какой крепостной, это тело мое, собственное мое...

<...> Вы можете себе вообразить, каково мне без тела... сделайте одолжение, помогите поскорее [8, с. 54].

Таким образом, используемый в начале произведения каламбур «владелец тела», связанный с нормами крепостного права, получает неожиданную реализацию. Следует оговориться, что по завершении дела, как впоследствии и у Гоголя, данная ситуация перерастает в сплетню, становится частью провинциального фольклора: «Мертвцева просьба стала ходить по рукам; везде ее списывали, дополняли, украшали, читали, и долго реженские старушки крестились от ужаса, ее слушая» [8, с. 68].

Одоевский виртуозно играет с данным сюжетом, показывая взаимоисключающие, но в то же время равновероятные исходы: «Предание не сохранило окончания сего необыкновенного происшествия: в одном соседнем уезде рассказывали, что в то самое время, когда лекарь дотронулся до тела своим бистурием, владелец вскочил в тело, тело поднялось, побежало, и что за ним Севастьяныч долго гнался по деревне, крича изо всех сил: “Лови, лови покойника!”. В другом же уезде утверждают, что владелец и до сих пор каждое утро и вечер приходит к Севастьянычу, говоря: “Батюшка Иван Севастьяныч, что ж мое тело? Когда вы мне его выдадите?”, – и что Севастьяныч, не теряя бодрости, отвечает: “А вот собираются справки”» [8, с. 68–69]. Равновероятность этих исходов определяется их парадоксальной равноневероятностью, за счет чего как внезапное воскрешение мёртвого тела, так и явление *таинственного посетителя* нивелируются исходной подоплекой сюжета, определяемой видением нетрезвого приказного.

Один из приведенных вариантов реализуется далее в «черном» водевиле Г. А. Квитки-Основьяненко «Мертвец-шалун» (1848). Внезапно скончавшийся Василий Шумов подает своему приятелю Быстрову повод для мистификации. Быстров, называясь именем Шумова, обводит вокруг пальца купца, жениха и даже анатомирующего его доктора. В этом незатейливом сюжете большую роль играют реплики персонажей:

Данило: Сколько было между вами шуток, проказ по дороге.

Быстров: Самую глупую проказу сделал он, скончавшись так некстати.

Данило: Ах, сударь! Когда мы умираем кстати?

Быстров: Богатый и бездетный дядюшка всегда кстати умирает [9, с. 222].

Эти рассуждения а priori представляют событие смерти в ее циническом осмыслении. Основное отличие водевиля Основьяненко от подобных произведений заключается в том, что смерть, вопреки законам жанра, предстает фактическим и результативным событием. Основьяненко практически воспроизводит сюжетную ситуацию сказки Одоевского, упоминая те же обстоятельства гибели и сравнивая смерть с высшей степени легкомысленным поступком. В то же время, как и его предшественники, Основьяненко акцентирует внимание на физиологических подробностях вскрытия. В итоге разыгрываемая ситуация является травестированным вариантом шекспировского «Гамлета» с неизменным сочетанием мотивов безумия, правдоискательства и эффектом театра в театре (ширма, за которую пря-

чается декламирующий Быстров). Наибольшей прозрачности эта пародическая аллюзия достигает в эпизоде, когда Быстров, играющий роль Шумова, обращается к черепу:

Быстров: Пожалуйста, осторожнее около головы; меня сейчас анатомили, раскроили весь череп; я насилу собрал и с трудом сложил и увязал [9, с. 243].

Как и положено водевилю, внешние конфликты, возникающие в произведении, разрешаются. Тем циничнее выглядит то обстоятельство, что о смерти Шумова как имеющем место в действительности событии, в произведении далее не упоминается.

Знаком популярности данного сюжета в дальнейшем становится появление произведений, совпадающих по своему названию: «Мёртвое тело» В. И. Даля, «Мёртвое тело» В. А. Слепцова, «Мёртвое тело» А. П. Чехова и др. Так, следуя традиции, заданной Одоевским, Даль показывает две ситуации с разными исходами⁶. Уже в начале произведения описано состояние принимающих крестьян: «Дело нешуточное. Человек, да к тому же еще человек чужой, сторонний, а наконец, и казенный, государев чин умирает. Слово это, равносильное на языке крестьян наших болезни, нездоровью, заключает однако же в себе понятие или возможность смерти и при некоторых обстоятельствах бывает для них страшным и роковым» [10, с. 146]. В первом случае проводы «подгулявшего» приказного заставляют вспомнить площадные представления, связанные с народно-смеховой культурой. Эпизод, закончившийся благополучно, сменяет иная картина, представляющая гибель (или убийство) зашедшего на огонек и занемогшего богемольца. Эту же ситуацию Даль воспроизводит в других произведениях, составляющих «Картины русского быта» (в частности, в очерке «Январь»)⁷. К данному варианту обращаются М. Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках» («Ари-нушка») и Н. В. Успенский в деревенских сценах («Страницы. Трагическое из русской жизни»).

В то же время можно встретить довольно распространенный вариант, когда решением всего мира обнаруженное в деревне или уезде мёртвое тело крестьяне переносят с одной межи на другую или находят иной способ избавиться от тела. К текстам данной группы можно отнести «Бурмистра» из цикла И. С. Тургенева «Записки охотника», «Мертвое тело» В. И. Даля (а также эпизод из повести «Вах Сидоров Чайкин»), «Между людьми» Ф. М. Решетникова. В данном варианте мёртвое тело представляет собой объект, судьба которого абсолютно не важна, и необходимым является устранение тела с принадлежащей крестьянам земли. Наиболее ярко эта ситуация представлена в «Обыкновенном случае» (1857) И. В. Селиванова: «Посмотревши на него (на труп. – А. К.) довольно долго, мужики стали предлагать сотскому перетащить его за межу, от которой были недалеко. Иван Лукьяныч и не прочь бы от этого; он вполне понимал всю мудрость подобного предложения, но боялся; человек новый в ремесле сотского, он не знал еще, что опытный поступает всегда так, что поступать иначе глупо, что сам становой назовет его молодцом, ежели узнает подобную проделку» [12, с. 402]. Далее

---

⁶ Как лексикограф Даль походит к описанию мёртвого тела, или трупа, в рассказе «Бред»: «Итак, перед нами лежат бранные останки, прах. Но что же это такое? Что значит: труп, прах, останки, да еще и бранные? – Помню, что некто называл так истасканную одежду свою, *ошурки, обноски, оттопки*, никуда не годные пожитки, зовомые также хламом, *бутором*, даже *шарабарой*. И, вправду, истасканная одежда, обноски с оттопками, вот, что лежит теперь перед нами» [10, с. 106].

⁷ В начале рассказа следует характерное описание земли: «Вся земля русская – одна ипольинская черепушка, вся под одним черепом» [11, с. 343].

в тексте эта мысль подтверждается суждениями исправника, который корит нерасторопного сотского и тем самым поощряет подлог. Несмотря на то, что в произведении доводы совести оказываются сильнее, представление о заветной меже (границе ответственности) составляют один из лейтмотивов текста. Сходная ситуация представлена в «Дьявольском наваждении» (1863) А. Голицынского: увидев утопленника, мужики отталкивают его от берега: «...наш неотпетый горемыка очень заметно как живой человек, опять начал забирать все ближе да ближе к берегу...» [13, с. 425]. В этом произведении появление покойного знаменует несчастье⁸. Несмотря на то, что в сюжете все эпизоды (самоубийство, фальшивомонетчество, растрата) могут быть мотивированы бытовыми обстоятельствами, их объединяет мистическое появление мёртвого тела. Отказываясь от христианского долга, отталкивающие тело мужики тем самым совершают преступление. Аналогичное преступление, находящее тесную корреляцию с языческими ритуалами, описано в рассказе Н. С. Лескова «Засуха» (1861). Здесь мужики *вырывают* тело пономаря, умершего *от опоя*. Рассказ отличается описанием специфического ритуала: с покойника «сдирают сальце» и зажигают «на сальце» свечу [14]. Наблюдающий за мужиками протопоп удаляется, не в силах противопоставить разумное слово языческим представлениям крестьян. Показательно, что начинающий свой творческий путь с подобных «чрезмерных» рассказов, Н. С. Лесков сохранит им верность впоследствии не только в рассказах («Житие одной бабы», «Зимний день» и др.), но и в романах (в частности, «На ножах», хронике «Соборяне»).

Принципиально иначе данная ситуация реализована в одноименном рассказе И. А. Салова (1859). Новаторство писателя заключается в том, что мертвое тело в его сюжете – это не объект, лишенный сколько-нибудь значимых личностных свойств, а субъект. Поэтому вскрытие мертвого тела представляет здесь не только расследование, но и реконструкцию истории жизни.

Письмоводитель Фивейский совершенно неожиданно оказывается одноклассником умершего Каллистова. В этом фрагменте можно встретить характерный комический диалог:

- А знаете ли, господа, кому принадлежит мёртвое тело?
- Уж не тебе ли? – спросил становой.
- Как же! Товарищ, приятель!
- И рад встретиться, небось! – перебил его становой [15, с. 308].

Фивейский говорит о мёртвом, как живом: «...Теперь приятель мой немного попортился, костюм его не совсем в порядке, он даже, как видно, забыл побриться и недостаточно хорошо расчесал свои волосы...» [15, с. 309]. Рассказывая историю жизни Каллистова, Фивейский убеждает лекаря и станового, оставить тело без вскрытия. Знаменательно, что на фоне рассказанной ситуации присутствуют испуганные крестьяне:

- Потрошить-то будете, что ли, батюшка?
- Еще бы!
- Нельзя ли как-нибудь без потрошения...сено у меня там сложено... [15, с. 304].

Фивейский рассказывает типичную историю из жизни бедного семинариста, соединяя ее со штампами сентиментальной повести (сюжет о бедной Лизе). Исто-

---

⁸ В этом произведении очевидным образом тиражируется сюжетная схема, представленная в «Утопленнике» А. С. Пушкина.

рия Каллистова – горького пьяницы, отказавшегося от места, – представляет незначительно варьируемый социальный сюжет. Соединение этих штампов в рассказе предприимчивого письмоводителя позволяет предположить, что вся история была им выдумана, в то время как подлинным событием становится эротическая авантюра, разыгравшаяся между Фивейским и принимающей его крестьянкой (здесь реализуется мотив взятки и выкупа).

К середине XIX в. вариант, связанный со следствием и дознанием по мёртвому телу, становится наиболее частотным, то заполняя все звенья фабульной цепи, то редуцируясь до упоминания, мотива. При этом собственно обнаружение мёртвого тела далеко не всегда является событийно значимым. Так, например, описывая будни провинциального чиновника, В. А. Соллогуб перечисляет его повседневные дела: «Вот теперь, изволите видеть, я должен здесь дожидаться губернатора, а пока в уезде три мёртвых тела не похоронены, да шестнадцать следствий не окончено, да недоимок-то одних, описей-то, взысканий-то, я вам скажу, чертова гибель» [16, с. 204]. Мёртвое тело в этом высказывании – в сущности, примета повседневности; таким образом, ни его обнаружение, ни расследование не содержат в себе потенциала события. При этом следствие и дознание могут растягиваться на неопределенный срок: «...перво-наперво надо квартального попросить, а он попросит пристава, а пристав попросит доктора, а доктор – следователя, а следователь – прокурора, а прокурор...» [17, с. 50]. В некоторых сюжетах мёртвое тело становится объектом шантажа. А. И. Герцен об этом пишет: «Попадется ли мёртвое тело исправнику со становым, они его возьмут две недели, пользуясь морозом, по деревням, и в каждой говорят, что сейчас подняли и что следствие и суд назначены в их деревне» [18, с. 264]. Описывая вскрытие первенца Матрены Тимофеевны в поэме «Кому на Руси жить хорошо», Н. А. Некрасов подчеркивает горько-ироническую интонацию крестьянина-ответчика:

Одно: к начальству кликнули,
Пошла... а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
С собой и не взяла [19, с. 282].

Учитывая удаленность отдельных уездов и частую неопределенность отдельных их границ, очевидно, что в ряде случаев дознание занимало не одну неделю. Особенную актуальность это обстоятельство имело в сибирском контексте при *столверстных расстояниях между селениями*⁹ [20]. В рассказе Н. Э. Гейнце «На вскрытии» (1898) приезжий из европейской части Российской империи молодой человек узнает, какие предосторожности предпринимают местные жители для сохранения тел:

– Но как же вскрывать мерзлый труп?
– Для этого есть «анатомия», то есть изба с печкой. Истопят ее пожарче, да покойника накануне вскрытия туда и принесут [20, с. 128].

---

⁹ В «Сибирских рассказах» (1898) Н. Э. Гейнце Сибирь предстает совершенно особым сюжетным пространством:

«Эх, вот и видно, что вы новичок! Месяц – долго!.. Да при прежнем враче – положим, это давно было, я уж лет десять служу – по полугоду трупы вскрытия ждали, а он, при наших расстояниях, говорит: месяц – долго! Приедут из России, да на российскую мерку и меряют.

– Да разве здесь не Россия? – улыбнулся я.

– Россия-то Россия, да только подите, поскачите-ка по ней с мое. Между каждым селом чуть не ваш уезд поместится» [20, с. 128].

Сюжет и тезаурус смерти

– Что солил? – удивился я.

– Покойников, – невозмутимо продолжал Иван Павлович. – Посыпешь, это, на лед соли, положишь его, тоже сольцей обсыпешь, он и в сохранности. Соль-то у нас недорого [20, с. 131].

Другая история, которая занимает воображение рассказчика, связана с носом мертвеца¹⁰, который *мыши отгрызли*. Труп, названный *казенным имуществом с повреждением*, следователи не принимают, и только после взятки, полученной от мужиков, сохраняющих тело, оформляют и закрывают дело [20]. Еще один специфический способ, отсылающий читателя к мифической стране антропофагов описан Гейнце в рассказе «Сибирский держиморда» (1898). Городской заседатель, получив в свое ведомство мёртвое тело, решает эту задачу по-своему. Так, «...в местной врачебной управе получен был от него в одно прекрасное утро с почтою тюк, состоящий из ящика, по вскрытии которого в нем оказалась отрубленная человеческая голова с пробитым в двух местах черепом. Одновременно с этим <...> заседатель просил врачебную управу определить причину смерти по препровождаемой при сем голове, отрезанной им, заседателем, от трупа крестьянина, найденного убитым в семи верстах от такого-то села» [20, с. 200]. Далее поясняется, что никаких повреждений мертвое тело не имело, поэтому, чтобы облегчить работу судебной комиссии и не платить за прогоны, заседатель отправил одну только голову. Типологическое сходство данной ситуации с эпизодом из путешествий П. С. Палласа усиливает комический эффект¹¹.

В связи с рассмотренными выше вариантами особый интерес представляет сюжет о ложном мёртвом теле, представляющий полную инверсию исходно данной сюжетной ситуации. Гипотетически, в журнальную литературу этот сюжет входит через одноименную сценку В. А. Слепцова (1863). В первой картине сценки сообщается об обнаружении мёртвого тела; во второй оно, несмотря на выставленный караул, исчезает. «Покойник-то у нас ведь пропал... Украли его кто, сам ли ушел» [22, с. 322], – эти слова отсылают читателя к альтернативному финалу «Сказки» В. Ф. Одоевского. Во второй картине Слепцов представляет диалог, посвященный внезапному оживлению покойника:

Третий. Это зря болтают. Как он туда попал? Нешто он может, покойник, в кабак ходить?

Четвертый. Знамо, покойники не ходят.

Другой. Как нет! Не ходят. Нет, они ходят. Я верно знаю. Мне один человек сказывал: в Тульской губернии у нас, говорит, их до пропасти. Столько шляются – беда. Да еще днем, а не то, что ночью. Трогать, говорит, ничего не трогают, так только ходят везде: по крышам, другой в хлев заберется.

Третий. Рассказывай! Это всё бабы врут [22, с. 324].

¹⁰ Заметим, что в повести Ф. М. Решетникова «Подлиповцы» влюбленный Сысойко собирается откусить нос погибшей Апроське.

¹¹ «Якуты, идучи на промысел этою зимою по реке Вилую, нашли какое-то незнакомое и ужасной величины тело; управитель в Вилуйском зимовье, именем Иван Аргунов, взяв от него голову, одну переднюю и одну заднюю ногу, послал через якутскую канцелярию в Иркутск. <...> Присланные в Иркутск части с первого виду уже казали, что они должны были быть носороговы» [21, с. 394]. Мёртвое тело в повествовании Палласа становится элементом хтонического, доисторического мира. Обнаружение останков иноцивилизации контрастирует с существованием определенного механизированного алгоритма: так, тело разделяется на части, которые отправляются на экспертизу.

Любопытно, что уже на этом этапе развития сюжета ситуация, связанная с мёртвым телом, актуализирует сюжет ревизии. Парадокс заключается в том, что внезапное «воскресение» мужика противоречит букве закона. Чтобы показать абсурдность ситуации в третьей картине, Слепцов включает в сценку «детские голоса»:

Акулька. Как же его станут коронить? Гордюшка, ты видел как их коронят?

Гордюшка. Я видал. Вот сейчас его возьмут за шейку, да ножиком как чикнут по шейке-то, он и упадет; заплачет, горько заплачет, братцы мои, и зачнет просить: «Батюшки, голубчики, помилуйте!» А его опять ножиком – чик!.. А кровь-то, кровь!¹² [22, с. 326].

Знаменательно, что в нарушение всех обрядов и ритуалов погребение мертвеца по сути представляет эксгумацию, и это отчетливо отражается в детском мышлении. Точка поставлена финальной ремаркой: «Мёртвое тело падает на колени. Занавес опускается» [22, с. 333]. На наш взгляд, Слепцов идет значительно дальше своих современников: на разработанном материале он выстраивает сюжет, во многом предвосхищающий абсурдистские опыты. Важно то, что в финальной ремарке происходит утрата персонификации: проезжий молодец назван в ремарке «мёртвым телом».

Наибольшей популярности этот сюжет достигает в конце века, многократно транслируясь в книжках для народного чтения. Так, в коротком рассказе А. Королькова «Мёртвое тело – говорит» (1904) среди беспробудного деревенского пьянства двое мужиков – Никита и Илюха – находят бездыханного человека. Оставленные на карауле мужики упускают «внезапно ожившего» покойника: «Мёртвого тела, и действительно, на месте не было; разрытая зола и пустая бутылка подтверждали, что “тело” перед уходом не побрезговало и выпивкою и закусую» [23, с. 17]. Приехавшие на следствие спрашивают:

– Пробовали приводить в чувство? – спросил мужиков доктор.

– Мертвеца-то? Пробовали! Спервоначалу уши, волосы драли, а потом – в морду.

– Это кому же в морду? – удивился медик.

– Упокойничку-то, потому думали, – очнется!

– Ну не скоты ли, – крикнул становой. – Каковы понятия! Мёртвому человеку и вдруг в морду! [23, с. 27].

Практически вся история Королькова представляет переложение исходной сценки в прозу. Как и у Слепцова, найденный мужик, согласившийся притвориться мёртвым, в финале рассказа наказывается розгами. Несколько иной вариант реализован в одноименном рассказе Гальковского (1910): здесь мужик Лазарь привозит домой замерзшего купца, который в скором времени оживает: «Вот она жизнь наша, думал Лазарь, – и не знаешь, где и как смерть застигнет. Человек выпил, весело ему, а тут как раз смерть...» [23, с. 135]. Придя в себя, «покойник» ругает Лазаря и грозит подать на него в суд. Очевидная пародия на притчи Тол-

---

¹² Любопытной редукции данный сюжет подвергся в интернет-версии при наборе исходного текста (http://az.lib.ru/s/slepcow_w_a/text_1863_mertvoe_telo.shtml). Здесь специфический диалектизм *коронить* заменяется стилистически нейтральным и в данном случае некорректным глаголом *хоронить*, а имя крестьянской девочки *Секлетей* (*Секлетейюшки*), наоборот, получает ненужные в данном случае танатологические коннотации: *Скелетюшка*.

стого (в частности, на рассказ «Чем люди живы?») в соединении с евангельским именем героя создают комический эффект.

Во всех рассмотренных случаях (что особенно характерно для мировидения Слепцова) данный сюжет представляет травестированное воскресение. Эта травестия построена на инверсии исходной сюжетной ситуации и в то же время представляет профанацию сакрального знака.

Таким образом, исследуя сюжет о мёртвом теле, представляющем танатос не только в земном, но и предельно бытовом измерении, можно констатировать наличие нескольких многократно повторяемых и транслируемых вариантов. Их повторяемость объясняется не только узостью репертуара так называемых провинциальных и деревенских сюжетов, но и неизменностью кодифицированных правил, которые, заменяя ритуалы, образовывали новые формы антропологической деятельности. Важно заметить, что уродливость и дисгармоничность этих форм зачастую находила своеобразное отражение в речи, изначально – в народных идиомах и фразеологизмах, далее – в художественных текстах, в диалогах героев.

В заключение отметим, что сведение рассмотренных сюжетов к трем повторяемым фабульным вариантам практически всегда органично логике исходного материала. Тем интереснее изучение данного сюжета в вершинных, в известном смысле этого слова, парадоксальных текстах русской литературы.

Список литературы

1. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный, 1857. Т. 15: Законы уголовные. О преступлениях и проступках.
2. *Дмитренко С. Ф.* Проблема реконструкции исторических фактов в литературном произведении // Вестник РГГУ. 1998. №4 (41).
3. *Косоротов Д. П.* Основные правила составления судебно-медицинских актов о вскрытиях мёртвых тел. 2-е изд. СПб.: Типография Я. Трей, 1900.
4. *Гвоздев Ив.* Первичный наружный судебно-медицинский осмотр мёртвого тела известной личности. СПб.: Изд. К. Л. Риккера, 1896.
5. *Иезуитова Р. В.* Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978.
6. *Толстой А.* Песня о потоке-богатыре // Русский вестник. 1871. Т. 94.
7. *Соловьев Н.* Могикане Реализма // Русский вестник. 1870. Т. 81.
8. *Одоевский В. Ф.* Повесть о мёртвом теле, невесть кому принадлежащем // Одоевский В. Ф. Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2.
9. *Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Драматические сочинения Григория Квитки (Основьяненка): В 2 т. СПб.: Изд. А. С. Великанова, 1862. Т. 2.
10. *Даль В. И.* Повести и рассказы: В 3 т. Посмертное полное издание. СПб.; М., 1883. Т. 3.
11. *Даль В. И.* Январь. Картины русского быта // Русский вестник. 1867. Т. 67.
12. *Селиванов И. Т.* Обыкновенный случай // Из провинциальной жизни. М.: Современник, 1985.
13. *Голицынский А.* Дьявольское наваждение // Отечественные записки. 1863. Т. 146.
14. *Лесков Н. С.* Засуха // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Терра, 1996. Т. 1.
15. *Салов И. А.* Повести и рассказы. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1884. Т. 1.
16. *Соллогуб В. А.* Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1988.
17. *Сверский А. И.* Рыжик. Минск: Юнацтва, 1984.

18. *Герцен А. И.* Былое и Думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8.
19. *Некрасов Н. А.* Кому на Руси жить хорошо // Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 3.
20. *Гейнце Н. Э.* Сибирские рассказы. СПб., 1898.
21. *Паллас П. С.* Путешествия по разным провинциям Российского государства: В 3 ч. СПб.: Имп. Академия наук, 1770. Ч. 3.
22. *Слепцов В. А.* Юмористические рассказы и сцены из народного быта. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1904.
23. *Корольков А.* Мёртвое тело – говорит. Сельское событие из недавнего прошлого. СПб., 1904.
24. *Гальковский К.* Повести и рассказы. Лебедин: Типография А. Солодовникова, 1910. Т. 1.

A. E. Kozlov

Novosibirsk, Russian Federation

**THE PLOT OF A DEAD BODY IN RUSSIAN LITERATURE
OF THE XIX CENTURY
ARTICLE I**

The article deals analysis of the stories about dead body in the context of the mortal plots of the Russian literature of XIX century. This plot is closely connected with different traditions as folklore and literature in one hand and law and criminology in other hand. Investigated type of ritual is embraced in three repeatable variants: 1) detection and inquisition, 2) story of the deadman, 3) quasi-variant of story about dead body. In particular, «Story about unknown dead body» of Vladimir Odoevsky presents «possible / impossible» potential of the plot. The multiplicity of the initial situation determined to repeating it in the literary process and securing the nomination «The dead body» in a strong position (Vladimir Dal', Ilya Salov, Vasily Sleptsov, Anton Chekhov and other). A specific interest, in my mind, in this perspective presents some plots, that genesis and formation is connected with parody and travesty (include here travesty of the sacral senses and symbols). This study demonstrates some stable patterns, which allows describe this segment in the context of the correlation of the invariant and variants.

Key words: story about dead body, mortal code, tanatos, Russian literature of XIX century, secondary-type of narrative and alternatively.

Kozlov Alexey E. – Senior Lecturer of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methodic of Investigation Literature, Chair of Institute of Philology, Mass Information and Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation, alexey-kozlof@rambler.ru)